

Министр финансов И.А. Вышнеградский и голод 1891–1892 гг.

Валерий Степанов

Finance Minister I.A. Vyshnegradsky and the Famine of 1891–1892

Valerij Stepanov

*(Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow;
Saint Petersburg State University, Russia)*

DOI: 10.31857/S2949124X23050048, EDN: OXANEZ

Голод 1891–1892 гг. стал ярким проявлением кризиса традиционного аграрного социума Российской империи. Он стимулировал небывалый подъём общественной активности, способствовал усилению оппозиционных настроений, заставил правительство внести изменения в крестьянское законодательство и принять ряд мер, касавшихся организации продовольственного дела и железнодорожного строительства. Несмотря на всю значимость этого события, оно не получило должного отражения в научной литературе. Обычно его рассматривали либо в сравнительно небольших статьях, либо, наряду с другими сюжетами, в работах, посвящённых формированию всероссийского рынка, развитию сельскохозяйственного производства, социальным изменениям в крестьянской среде, благотворительности в деревне и т.п. До сих пор многие аспекты данной темы изучены фрагментарно и недостаточно глубоко¹.

При этом в отечественной историографии (и дореволюционной, и советской) в значительной мере под влиянием публицистики 1891–1892 гг. ответственность за голод, как правило, возлагалась на правительство, разорявшее крестьян непосильными налогами, поощрявшее вывоз хлеба за границу в ущерб внутреннему потреблению и не способное при неурожаях обеспечивать население продовольствием². В частности, резко осуждались действия финансового

© 2023 г. В.Л. Степанов

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-01267 «Частный капитал или государство? Общественная дискуссия о путях экономического развития России (вторая половина 1870-х – первая половина 1890-х гг.)».

The study was supported by the research grant № 22-28-01267 «Commercial capital or the state one? Public debate about the path of Russia's economic development (second half of the 1870s to first half of the 1890s)» of the Russian Science Foundation.

¹ Пьянков С.А., Михалёв Н.А. Голод 1891–1892 гг. в России в советской и современной отечественной историографии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 1. С. 44–55; Дёмина Ю.В. Современная отечественная историография голода 1891–1892 гг. // Genesis: исторические исследования. 2018. № 4. С. 85–94.

² Даниельсон Н.Ф. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб., 1893. С. 37–44, 257–259; Тернер Ф.Г. Государство и землевладение. Ч. 1. СПб., 1896. С. 305–315; Лохтин П.М. Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами. СПб., 1901. С. 252; Шванебах П.Х. Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901. С. 15–32; Шванебах П.Х. Наше податное дело. СПб., 1903. С. 10–15; Гурко В.И. Устои народного хозяйства России. Аграрно-экономические этюды. СПб., 1902. С. 25, 26; Воронцов В.П. Судьба капиталистической России. Экономические очерки России. СПб., 1907. С. 98; Лященко П.И. Очерки аграрной

ведомства, которое с начала 1887 г. возглавлял И.А. Вышнеградский. «Меркантилистическая система Вышнеградского, — писал в 1909 г. В. Витчевский, — сводившаяся к скоплению возможно большего количества золота, развивалась всецело за счёт сельского хозяйства... Голодные 1891 и 1892 годы с их разрушительными последствиями явились тяжёлой расплатой за тот односторонний и суровый фискализм, которым была проникнута финансовая политика восьмидесятых годов. Ужасы голода сломали “систему”»³. В 1996 г. Б.В. Ананьич также утверждал, что «необычные размеры бедствия» 1891–1892 гг. «спровоцировала фискальная политика Вышнеградского, отличавшаяся предельной жёсткостью»⁴.

Между тем Р. Роббинс ещё в 1970-е гг. называл «мифом» представление о том, будто высшая бюрократия сначала вообще игнорировала наступление голода, а затем, осознав масштаб трагедии, впала в панику и растерялась. По его мнению, царский режим, несмотря на колебания и ошибки, оказал пострадавшим регионам существенную поддержку, а политика Вышнеградского, хотя и не соответствовала интересам крестьян, но и не разрушала их хозяйства. Более того, именно накопленные им в конце 1880-х гг. финансовые резервы позволили государству широко предоставлять помощь нуждавшимся⁵. Правда, в небольшой по объёму книге Роббинс не мог охватить всю совокупность правительственных мероприятий, поскольку это требовало обработки весьма обширного комплекса архивных материалов. Впоследствии П. Грегори поставил под сомнение наличие в России конца XIX в. аграрного кризиса, «голодного» экспорта и чрезмерного обременения крестьян налогами⁶. С ним согласились и некоторые российские историки, пересмотревшие к тому же устоявшиеся оценки значения правительственных распоряжений 1891–1892 гг.⁷ Так, М.А. Давыдов указал на то, что в пореформенную эпоху власти выделяли для помощи голодавшим огромные средства и тем самым фактически спасали десятки миллионов

эволюции России. Т. 1. СПб., 1908. С. 385–416; *Лященко П.И.* Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. СПб., 1912. С. 3; *Кауфман А.А.* Аграрный вопрос в России. Изд. 2. М., 1918. С. 50–54; *Егизарова Н.А.* Аграрный кризис XIX в. в России. М., 1959. С. 58–60; *Арзуманян А.А.* Аграрный кризис 80–90-х гг. XIX в. в России // *Арзуманян А.А.* Экономические проблемы общественного развития. Избранные труды. М., 1968. С. 101, 176–177; *Нифонтов А.С.* Зерновое производство России во второй половине XIX века. М., 1974. С. 310–311; *Дубровский С.М.* Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975. С. 325–326; *Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. (Очерки правительственной политики). Л., 1978. С. 6, 42–44; *Анфимов А.М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России: 1881–1904. М., 1984. С. 89–100.

³ *Витчевский В.* Торговая, таможенная и промышленная политика России со времён Петра Великого до наших дней. СПб., 1909. С. 231.

⁴ *Ананьич Б.В.* Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // *Власть и реформы. От самодержавной к советской России.* СПб., 1996. С. 393.

⁵ *Robbins R. G.* Famine in Russia 1891–1892. The imperial government responds to a crisis. N.Y.; L., 1975. P. 8. См. также: *Михалёв Н.А.* Голод 1891 г. в России: интерпретация Ричарда Роббинса // *Отечественная история: взгляд из XXI века. Сборник научных статей.* Екатеринбург, 2015. С. 74–85.

⁶ *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): новые подсчёты и оценки. М., 2003. С. 29–37.

⁷ *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010. С. 641–644; Изд. 2. М., 2012. С. 471–474; *Круглов В.Н.* Царь-голод. Факты против мифов // *Сборник Русского исторического общества.* 2011. № 11 (159). С. 87–106; *Давыдов М.А.* Двадцать лет до великой войны. Российская модернизация Витте–Столыпина. М., 2016. С. 97–117, 151–258; *Давыдов М.А.* Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX в. и железнодорожная статистика. Изд. 2. СПб., 2019. С. 254–361.

людей от стихийного бедствия⁸. Другие учёные критиковали сторонников такого подхода за предвзятость при интерпретации источников и игнорирование достижений предшествовавшей историографии⁹. Т.М. Китанина справедливо указала на необходимость «специального изучения соотношения производства, потребления населения и объёма экспорта»¹⁰. Развернувшаяся дискуссия явно требует дальнейшего исследования самых различных аспектов темы¹¹.

Особого внимания заслуживает роль Вышнеградского во «всероссийском разорении» и преодолении его последствий. Видный учёный-механик, он входил в правления нескольких крупных акционерных компаний, вращался в консервативных кругах и считался протеем издателя-редактора «Московских ведомостей» М.Н. Каткова. Тайный советник и член Государственного совета, Иван Алексеевич стал министром в трудный для России момент: промышленность переживала депрессию, бюджет страдал хроническим дефицитом, курс рубля колебался и падал. Он установил режим строгой экономии казённых средств, провёл конверсию ряда внешних государственных займов и значительно усилил налогообложение: повысил прямые налоги, акцизы с водки, табака и сахара, ввёл новые сборы с керосина и спичек, настоял на взыскании с крестьян недоимок по уже отменённой подушной подати¹². Это позволило ему в течение нескольких лет добиться частичной стабилизации финансов.

Успеху политики Вышнеградского способствовали обильные урожаи 1887–1888 гг. (261 и 246 млн четвертей), а также начавшееся оживление промышленности. Рост доходов дал возможность в 1887–1889 гг. сводить общий бюджет с профицитом. Министр стремился покончить с многолетней дезорганизацией денежного обращения, восстановить размен кредитных билетов на драгоценные металлы и поднять курс рубля. В 1887–1890 гг. ему удалось увеличить золотой запас с 281,5 млн до 483,8 млн руб.¹³ Однако осуществлению этих планов препятствовал отрицательный расчётный баланс, который постоянно складывался в результате выплат казны по внешнему долгу и огромных затрат россиян за границей. Компенсировать их могло только соответствующее увеличение достигнутого в первой половине 1880-х гг. положительного сальдо торгового баланса. Для ограничения импорта был взят курс на дальнейшее повышение

⁸ Давыдов М.А. Двадцать лет до великой войны... С. 121, 122, 125.

⁹ Нефёдов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург, 2005. С. 295–297; Нефёдов С.А. История России. Факторный анализ. Т. II. М., 2011. С. 404–407; Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб., 2011. С. 8–11, 18, 19, 47–50; Островский А.В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб., 2013. С. 275–277, 285, 347; Кондрашин В.В. Сельское хозяйство России и аграрная политика самодержавия в конце XIX – начале XX в. // Экономическая история. Ежегодник. 2020. М., 2021. С. 409–461.

¹⁰ Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века... С. 108.

¹¹ Об этой дискуссии см.: Слепнёв И.Н. Россия на мировом рынке в конце XIX века: зерновой экспорт, внутреннее производство, аграрный кризис (историографическая ситуация и методические подходы) // Многогранный талант историка: памяти доктора исторических наук профессора Авенира Павловича Корелина. М., 2019. С. 313–324; Кондрашин В.В. Сельское хозяйство России... С. 409–418.

¹² О деятельности И.А. Вышнеградского подробнее см.: Степанов В.Л. Предпосылки денежной реформы С.Ю. Витте: политика министра финансов И.А. Вышнеградского (1887–1892) // Отечественная история. 2004. № 5. С. 49–69.

¹³ Материалы по денежной реформе 1895–1897 гг. / Под ред. А.И. Буковецкого. Вып. 1. Пг.; М., 1922. С. 28.

ввозных пошлин, увенчавшийся введением 11 июня 1891 г. самого высокого в Европе таможенного тарифа.

Одновременно Вышнеградский форсировал и без того значительный вывоз хлеба, оказывая всяческое содействие расширению посевов экспортных сельскохозяйственных культур (пшеницы, ячменя, овса) за счёт ржи и гречихи, которые традиционно использовались в крестьянском рационе. Министерство финансов установило высокие экспортные премии, на железных дорогах развернулось строительство элеваторов, специальных платформ и перегрузочных пунктов. С 1888 г. Государственный банк выдавал ссуды под хлебные грузы, а железные дороги — под хлеб, находящийся в зернохранилищах. Однако главным средством в распоряжении ведомства стало введение льготных железнодорожных тарифов на перевозку зерна из внутренних губерний к морским портам и западной сухопутной границе. Этим активно занимался один из ближайших сотрудников Вышнеградского — С.Ю. Витте, назначенный в 1889 г. директором Департамента железнодорожных дел. Рост хлебного экспорта объяснялся также колебаниями курса рубля, так как при его падении повышались цены в кредитных билетах, что вызывало усиленное предложение зерна со стороны сельских хозяев и экспортёров. Если в 1886 г. вывоз хлеба составлял 278,4 млн, то в 1887 г. — уже 392,9 млн, а в 1888 г. — 547,9 млн пудов¹⁴.

Однако с начала 1880-х гг. Россия оказалась во власти мирового аграрного кризиса, вызванного переполнением европейского рынка дешёвым хлебом из Северной Америки, Аргентины, Австралии, Индии, Южной Африки и значительным снижением цен. При этом российское зерно отправлялось за границу осенью, когда расценки опускались до минимального уровня. В итоге при увеличении объёмов вывоза его стоимость неизбежно падала. Тем самым Россия фактически отдавала часть продукции безвозмездно, что лишало сельское хозяйство существенной доли прибыли. Министерство финансов пыталось возместить эти потери ещё большим наращиванием «бросового» экспорта, всячески побуждая производителей к продаже зерна и используя фискальный прессинг. При взимании выкупных платежей и государственного поземельного налога местные власти широко применяли аресты недоимщиков, телесные наказания, продажу движимого имущества, скота и наделов за долги. Крестьяне не могли рассчитаться с казной, а также уплатить земские и мирские сборы только после сбора урожая, когда у них появлялось достаточное количество наличных денег. Поэтому они были вынуждены продавать зерно по низкой осенней цене, а весной, когда их собственные запасы истощались, покупать его втридорога. Подобный механизм реализации сельскохозяйственной продукции тормозил накопление капитала и внедрение технических новшеств в деревне.

Но, несмотря на все издержки своей политики, Вышнеградский достиг впечатляющих результатов. Активное сальдо торгового баланса возросло с 57,6 млн руб. в 1886 г. до 217,7 млн в 1887 г. и 397,9 млн в 1888 г., хотя затем несколько сократилось — до 318,9 млн руб. в 1889 г. и 285,5 млн в 1890 г. Расчётный баланс уже в 1887 г. был сведён с активным сальдо в 24 млн руб., а в 1891 г. — в 115 млн¹⁵. За несколько лет Иван Алексеевич приобрёл репутацию «финансового гения», которого «прославляли» и в обществе, и в прави-

¹⁴ Покровский В.И. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. 1. СПб., 1902. Таблицы. С. 105.

¹⁵ Там же. С. 117, 141; Грегори П. Указ. соч. С. 69.

тельстванных кругах¹⁶. Г.П. Сазонов, служивший тогда в МВД, вспоминал впоследствии о времени, «когда имя Вышнеградского сияло в ореоле величия»¹⁷. Бюджетные избытки приравнивались «едва не к чуду», о них говорили «с восторгом и ликованием»¹⁸. Государственный контролёр Т.И. Филиппов 16 апреля 1889 г. сообщал К.Н. Леонтьеву о «поразительном перевороте в нашем финансовом положении, при явной помощи свыше, совершённом высокодаровитым и много сведущим Вышнеградским»¹⁹. Значительно возрос авторитет Ивана Алексеевича и на Западе. В одной из зарубежных газет его провозгласили «властелином европейского денежного рынка»²⁰. Хозяйка столичного политического салона А.В. Богданович 4 апреля 1889 г. занесла в дневник: «Вчера нам говорили, что в Германии питают большое уважение к Вышнеградскому, говорят даже так: что есть только один политик на свете — это Бисмарк, и один министр финансов — Вышнеградский»²¹.

Однако далеко не все восторгались методами Ивана Алексеевича по оздоровлению экономики. Нередко в нём видели деятеля, который заботился лишь о сбалансировании бюджета, сокращении государственной задолженности и упорядочении денежного обращения, пренебрегая коренными проблемами народного хозяйства. Писатель и публицист К.Ф. Головин вспоминал, что «уже во время его управления, и, несмотря на похвалы, раздававшиеся среди иностранного денежного мира, многие у нас его политику упрекали за невнимание к интересам страны, к успехам её производства»²². Сазонов, занимавшийся исследованием пореформенной деревни, заявлял, «что Россия переживает тревожный момент истории, и что блеск финансов — мишура, и необходимо идти другим путём. Земля и земледелец должны быть поставлены во главе программы»²³. «Вестник Европы» призывал читателей трезво смотреть на бездефицитные бюджеты: «Не следует, однако, забывать, что столь блестящий результат, не только оправдавший, но и превзошедший надежды на улучшение наших государственных финансов, независимо от счастливо сложившихся в последнее время экономических условий страны, был следствием весьма заметного напряжения платёжных сил страны; а такое напряжение, долго продолжающееся, само по себе составляет уже зло, не искупаемое избытком средств государственного казначейства»²⁴.

Между тем Вышнеградский вполне понимал «первенствующее значение» земледелия как для экономики страны в целом, так и для решения задач, стоявших перед его министерством. «Состояние сельскохозяйственной промышленности и её успехи, — отмечал он в одной из своих записок, — имеют самое близкое и непосредственное отношение к финансовому ведомству: доходы от сельского хозяйства являются главнейшим источником для удовлетворения по-

¹⁶ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (далее — РО ИРЛИ), д. 9122, л. 55.

¹⁷ РГИА, ф. 1659, оп. 1, д. 63, л. 66.

¹⁸ Государственная роспись на 1892 год // Вестник Европы. 1892. № 2. С. 875; Кузнецов П. Десять лет истории наших финансов // Северный вестник. 1898. № 1. С. 170.

¹⁹ Пророки Византизма: переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891) / Сост. О.Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 532.

²⁰ Государственная роспись на 1891 год // Вестник Европы. 1891. № 2. С. 881.

²¹ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 243, л. 10 об.

²² Головин К.Ф. Наша финансовая политика и задачи будущего: 1887–1898. СПб., 1899. С. 8.

²³ РГИА, ф. 1659, оп. 1, д. 63, л. 66 об.

²⁴ Государственная роспись на 1891 год. С. 882.

требностей государства, определяют общеэкономическое и финансовое положение его и дают жизнь и движение всем прочим отраслям народного труда». Однако политика в деревне в большей степени зависела от МВД (в его ведении находилось и продовольственное дело) и отчасти от Министерства государственных имуществ. Поэтому свою задачу Вышнеградский видел не в «заботах о техническом улучшении земледелия», а в обеспечении оптимальных «коммерческих условий» для развития сельского хозяйства, включая организацию дешёвого кредита, совершенствование транспортной инфраструктуры и стимулирование отечественной промышленности, которая «создаёт новые внутренние рынки для сельскохозяйственных продуктов и умножение капиталов, а следовательно и удешевление их для потребностей самого земледелия». Особое значение он придавал тарифному регулированию перевозок хлебных грузов, считая его наиболее эффективным способом воздействия на аграрный сектор²⁵.

Министр финансов внимательно следил за положением в деревне, всячески стараясь нейтрализовать последствия недородов. За богатыми сборами хлебов в 1887 и 1888 гг. последовал посредственный урожай 1889 г. (179 млн четвертей). В 1890 г. с июня по сентябрь стояла сильная засуха, из-за которой сев озимых прошёл с большим опозданием, а во второй половине октября начались необычные для этого времени заморозки. Несмотря на то что в целом чистый сбор хлебов был выше, чем в предыдущем году (220 млн четвертей), неурожай охватил обширный район на востоке Европейской России и ряд южных губерний. Это оказалось предвестием будущего «всероссийского разорения». В отличие от предшествовавших лет, в 1890 г. общий бюджет был сведён с дефицитом в 57,7 млн руб., а государственная роспись на следующий год предусматривала превышение расходов над доходами в 47,8 млн руб.²⁶ Для помощи голодавшим по инициативе Вышнеградского тарифы на перевозки хлебных грузов в пострадавшие губернии 21 января и 7 февраля 1891 г. были понижены на 50%. Департамент железнодорожных дел получил указание приступить к сбору сведений о ценах на хлеб в России и продовольственных нуждах отдельных местностей, а также заняться систематизацией ходатайств губернских учреждений о правительственной поддержке²⁷.

В 1891 г. климатические аномалии продолжились. Холодная зима привела к вымерзанию озимых как в России, так и в Европе, что вызвало рост хлебных цен на мировом рынке. Ранняя весна характеризовалась полным отсутствием половодья, в конце апреля ударили холода, погубившие всходы озимых и яровые посевы. В середине мая заморозки сменились тропической жарой и суховеями. Между тем в газетах продолжали публиковаться инспирированные финансовым ведомством статьи, призывавшие сельских хозяев воспользоваться повышением спроса на хлеб за границей и увеличить его вывоз. Директор Департамента неокладных сборов А.С. Ермолов, совершив поездку по южным и юго-восточным губерниям, был потрясён состоянием деревни. Вернувшись в Петербург, он поспешил предупредить Вышнеградского о последствиях природного катаклизма: «На Россию надвигается страшный призрак голода, необходимо теперь же, пока не поздно, принять самые решительные меры для

²⁵ Соображения министра финансов о воспособлении сельскохозяйственной промышленности чрез посредство железных дорог. СПб., 1891. С. 1–4.

²⁶ Обзор деятельности Министерства финансов в царствование императора Александра III (1881–1894). СПб., 1902. Приложения. С. 5.

²⁷ Журналы Тарифного комитета. Вып. I. СПб., 1892. С. 489–499.

предупреждения грядущего бедствия». Однако министр с раздражением отнёсся к подобным «зловещим предсказаниям», и, спрятав доклад Ермолова в свой стол, заявил: «Из этого ящика Ваша записка не выйдет, ни один человек не должен о ней знать, иначе Вы мне все курсы испортите»²⁸.

О сходной реакции Ивана Алексеевича на первые признаки неурожая свидетельствовал также издатель-редактор газеты «Биржевые ведомости» С.М. Проппер. Один из его корреспондентов сообщил, что торговцы зерном, обеспокоенные предстоящим недородом в Поволжье и Прикамье, попросили через газету привлечь внимание правительства и общественности к этому тревожному факту. Проппер проверил их информацию на петербургских хлебных биржах и получил «ужасающе мрачные» сведения. Он сразу же сообщил министру финансов о результатах своих изысканий и посоветовал ему навести справки по телеграфу. Однако Вышнеградский ответил, что всё это «вздор», и отказался предпринимать какие-либо действия. Тем не менее Проппер поместил в «Биржевых ведомостях» передовицу о предстоящем неурожае, в которой правительству рекомендовалось прекратить экспорт хлеба за границу и начать завозить его в пострадавшие губернии из других местностей. «Вышнеградский впал в ужасное бешенство, — вспоминал редактор. — Как смела газета бить такую тревогу в статье и тем самым подрывать суть всех финансовых и биржевых комбинаций министра?». В итоге приведённые в газете данные были официально опровергнуты²⁹.

К этому времени относится и знаменитая фраза Ивана Алексеевича: «Сами не будем есть, но будем вывозить!». Впервые её привёл в своей книге П.Х. Шванебах, состоявший с конца мая 1891 г. товарищем управляющего Государственным банком³⁰. Позднее она перекочевала в работы многих авторов и стала считаться образцом пренебрежительного отношения властей к положению народа. Действительно, Вышнеградский, опасавшийся отлива золота из страны в случае неурожая, вполне мог мимоходом сказать нечто подобное, поскольку он и ранее неоднократно эпатировал высшую бюрократию циничными высказываниями. Однако настроение министра финансов быстро менялось по мере поступления сигналов с мест. В конце мая земства забили тревогу, в прессе пошёл поток публикаций о разразившемся бедствии. Неурожай поразил 28 губерний (59% сельского населения Европейской России), в 17 из них были сняты «голодные» сборы. Особенно сильно пострадали чернозёмные районы центра страны и Поволжья. Недостаточные урожаи зерновых собрали и в ряде губерний Западного и Центрально-нечернозёмного районов, а также в Приуралье. Чистый сбор хлебов составил 156 млн четвертей, т.е. на 29% ниже обычных показателей³¹.

Ситуация усугублялась тем, что имперский продовольственный капитал (внебюджетный фонд МВД), составлявший к 1 января 1891 г. всего 7,5 млн руб., к началу лета оказался полностью израсходован. В местных хлебозапасных магазинах находилось менее 25% (а в некоторых губерниях не превышало и 5%)

²⁸ Ермолов А.С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. В 2 ч. Ч. 1. СПб., 1909. С. 99, 100.

²⁹ Propper S.M., von. Was nicht in die Zeitung kam: Erinnerungen des Chefredakteurs der «Birschewyja wedomosti». Frankfurt a/M, 1929. S. 147–149.

³⁰ Шванебах П.Х. Денежное преобразование... С. 21.

³¹ Нифонтов А.С. Хозяйственная конъюнктура в России во второй половине XIX века // История СССР. 1972. № 3. С. 45, 60–62.

от установленного законом количества³². Сами крестьяне после двух лет невысоких сборов зерна не смогли накопить достаточные резервы для того, чтобы пережить голодный год. Цены на продовольствие росли, а уровень оплаты труда крестьян в неурожайных районах падал. Население осталось без продуктов питания и лишилось возможности найти работу, обеспечивавшую прожиточный минимум. Засуха не только погубила посевы, но и выжгла траву, поэтому нечем стало кормить скот, и крестьянам приходилось забивать или продавать за бесценок своих лошадей и коров. Между тем землевладельцы и торговцы стремились максимально использовать выгодную конъюнктуру на мировом рынке. Из ориентированных на экспорт южных и западных губерний в огромном количестве продолжалась отправка зерна за границу, что вызывало резкую критику общественности и сильное недовольство населения.

Однако, вопреки утверждению Роббинса, бюрократическая элита долгое время недооценивала остроту ситуации в деревне, а её представители, по словам генерала А.А. Киреева, проповедовали «теорию отсутствия голода»³³. Даже в октябре 1891 г. в окружении Богданович многие считали, что «бедствие голода очень и очень преувеличено»³⁴. Губернское начальство, опасаясь ответственности, нередко старалось «замолчать» неудобные факты и посылало в столицу искажённую информацию. Министр внутренних дел И.Н. Дурново жаловался государственному секретарю А.А. Половцову на то, что «никак не может получить с мест точных сведений о неурожае, так как заявления властей столь противоречивы»³⁵. Когда к концу осени масштабы природного бедствия, наконец, выяснились, в правительственных кругах возникла растерянность. Председатель Департамента государственной экономии Государственного совета А.А. Абаза рассказывал вернувшемуся из-за границы Половцову, что «в Петербурге все министры поражены отчаянием по поводу обнаружившегося во многих губерниях голода, что никто не имеет ясного убеждения о том, что делать, но что все наперерыв предлагают самые дикие мероприятия»³⁶.

Катастрофический неурожай означал крушение всех расчётов и замыслов Вышнеградского. «Ужасный год! Как мы его переживём, я, право, не знаю», — писал он своему старому другу А.Н. Майкову³⁷. Директор канцелярии МИД гр. В.Н. Ламздорф 22 июня отметил в дневнике, что министр финансов «очень озабочен» дилеммой: «отстаивать ли вывоз хлеба, или облегчить его возврат в Россию?»³⁸. Однако на первых порах Иван Алексеевич предпочёл ограничиться привычными способами, используя прежде всего значительную сумму свободной наличности Государственного казначейства (к 1 января 1891 г. она составляла 219,4 млн руб.), накопленную за предшествовавшие пять лет. С середины июня 1891 г. по середину ноября 1892 г. по ходатайствам Дурново на увеличение имперского продовольственного капитала и другие нужды голодав-

³² Всеподданнейший доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1892 г. СПб., 1891. С. 32; *Ермолов А.С.* Наши неурожай... С. 105, 106.

³³ ОР РГБ, ф. 224, папка 1, д. 64, л. 122.

³⁴ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 252, л. 12.

³⁵ Дневник государственного секретаря А.А. Половцова / Под ред. П.А. Зайончковского. В 2 т. Т. 2. М., 1966. С. 383.

³⁶ Там же.

³⁷ РО ИРЛИ, д. 16753, л. 32.

³⁸ *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1891—1892 / Под ред. Ф.А. Ротштейна. М., 1934. С. 148.

шего населения было выдано 162,5 млн руб.³⁹ Эти средства поступали в губернии, где местные земства закупали зерно и распределяли между волостными и сельскими обществами, которые, в свою очередь, выдавали его нуждавшимся на возвратной основе в форме ссуд на продовольствие и засев полей. Правительство установило льготы по их погашению, а позднее вообще списало основную часть задолженности крестьян⁴⁰. Однако срочный и беспорядочный характер закупок зерна, отсутствие у земств опыта в торговых делах и их конкуренция друг с другом ещё более подхлестнули рост хлебных цен.

Вышнеградского беспокоила нехватка кредитных билетов в кассе Государственного банка из-за крупных расходов на приобретение золота. Между тем лихорадочная деятельность земств по заготовке хлеба, а также его массовый вывоз за границу вследствие ожидания запрета на экспорт увеличили товарооборот на внутреннем рынке и потребовали значительного количества денежных знаков. Министр обратился к Александру III с просьбой разрешить временные выпуски банкнот под залог золотого запаса для пополнения ресурсов Государственного банка, заверив императора, что будет пользоваться подобным правом «с надлежащей осмотрительностью и в пределах крайней надобности». По его мнению, подобная эмиссия не могла нанести ущерб государственному кредиту «в силу очевидной для всех безусловной обеспеченности временно выпускаемых билетов звонким металлом». 28 июля был подписан соответствующий указ⁴¹, на основании которого в 1891–1892 гг. состоялись шесть выпусков бумажных денег на общую сумму 150 млн руб.⁴²

Министр финансов попытался также хотя бы немного ослабить налоговый пресс в деревне. 25 июля он распорядился разослать управляющим губернскими казёнными палатами инструкцию о соблюдении вплоть до жатвы 1892 г. особой осторожности при взимании поземельного налога и выкупных платежей. Им, в частности, предписывалось воздержаться от обычных мер взыскания недоимок, чтобы не «обессилить» крестьянские хозяйства и не лишить их возможности стать «исправными» в будущем. Вместе с тем Вышнеградский отметил, что интересы казны и самих налогоплательщиков, рисковавших накопить значительную задолженность, требуют тщательного наблюдения за поступлением окладных сборов. Поэтому льготы следовало предоставлять только действительно нуждавшимся членам сельских обществ, взимая подати с тех, кто имел возможность выполнять свои финансовые обязательства⁴³.

Кроме того, 12 июля 1891 г. Государственный банк открыл кредит из расчёта 4% годовых без взимания комиссионных сборов под процентные бумаги продовольственного капитала. 6 августа сберегательные кассы получили разрешение принимать во вклады без ограничения суммы продовольственные капиталы крестьянских обществ. 16 октября отделениям и конторам Государственного банка было позволено вплоть до 1 сентября 1892 г. не взимать платы за перевод в неурожайные местности средств, поступавших через Российское общество

³⁹ РГИА, ф. 565, оп. 14, д. 101, л. 71–72, 74 об.–78, 79–80 об., 84–84 об., 148–149, 265–265 об., 292–292 об.; д. 102, л. 72–72 об.; д. 103, л. 152–154, 197–199 об.; ф. 1152, оп. 11, 1891 г., д. 433, л. 2–5; 1892 г., д. 1, л. 2–12, 21–28; Обзор деятельности Министерства финансов... Приложения. С. 9.

⁴⁰ Ермолов А. С. Наши неурожайи... С. 134–136, 143, 176, 177.

⁴¹ РГИА, ф. 563, оп. 2, д. 304, л. 14–17 об.; ПСЗ-III. Т. 11. СПб., 1894. № 7940.

⁴² Обзор деятельности Министерства финансов... Приложения. С. 17.

⁴³ РГИА, ф. 573, оп. 29, д. 1483, л. 1–2 об.

Красного Креста для помощи голодавшим. С 6 марта 1892 г. министр финансов уже мог по собственному усмотрению распространять эту льготу на любые правительственные учреждения и общественные организации⁴⁴. С 16 октября 1891 г. Крестьянский поземельный банк получил право предоставлять пострадавшим от неурожая заёмщикам льготы во взносе срочных платежей и отменять продажу с торгов участков неисправных должников в тех местностях, где урожай не превышал 25% нормы. 22 ноября он был уполномочен давать заёмщикам одновременную отсрочку по уплате двух просроченных полугодовых платежей, а 31 января 1892 г. — рассрочивать по их ходатайствам недоимки на период не позднее срока окончательного погашения первоначального долга по ссудам. При возникновении у новых заёмщиков затруднений в выплате процентов с 13 марта 1892 г. полагалось удерживать из причитающихся им ссуд срочные платежи за одно или два полугодия с учётом в их пользу 5,5% годовых⁴⁵. Дворянскому банку 16 октября 1891 г. разрешили отменять в неурожайных губерниях торги на имения, урожай в которых не достигал четверти обычного сбора, и принимать к рассмотрению поступившие после 1 октября 1891 г. ходатайства заёмщиков о рассрочках и отсрочках платежей, не требуя по ним заключений местных отделений, а 1 ноября — предоставлять льготы по окончательной оплате закладных листов. С 10 января 1892 г. в тех случаях, когда урожай не превышал одной трети нормы, владельцы имений могли рассчитывать на рассрочку накопившейся недоимки на 6–10 лет⁴⁶.

Свою главную задачу Вышнеградский видел в снижении цен на хлеб, чтобы расширить его доступность для населения и в то же время сократить расходы на пополнение продовольственного капитала. Как и ранее, основную ставку министр сделал на тарифное регулирование. С 26 июня 1891 г. были уменьшены провозные платы на железных дорогах: до 0,01 коп. с пудо-версты при транспортировке хлебных грузов по свидетельствам земских учреждений и на 50% (но не ниже 0,01 коп. с пудо-версты) при перевозке зерна из портов и сухопутных пограничных пунктов, чтобы способствовать возвращению на внутренние рынки хлеба, скупленного для экспорта до повышения цен⁴⁷. Затем последовали и другие льготы на перевозку: 29 июля — картофеля и кукурузы взамен ржи для обеспечения сырьём винокуренных заводов, 3 августа — отрубей, 3 сентября — кормов, 3 и 10 сентября — рогатого скота и лошадей для прокорма в южные степи, 17 августа пониженные тарифы распространили также на отправку хлеба с Кавказа по Владикавказской и Закавказской железным дорогам, 23 августа на 75% подешевел проезд пассажиров 3-го класса, уезжавших на заработки из голодных местностей⁴⁸.

27 июня Вышнеградский писал Александру III, что эти льготы должны удержать имеющиеся запасы хлеба на российском рынке и сократить вывоз нового урожая за границу. По его словам, посредственные сборы зерновых в Ев-

⁴⁴ Там же, ф. 583, оп. 4, 1891 г., ч. 2, д. 302, л. 4–5, 49–50 об., 137–137 об.; ф. 587, оп. 56, д. 16, л. 28–28 об.

⁴⁵ Там же, ф. 583, оп. 4, 1891 г., ч. 2, д. 302, л. 140–142, 199–200; ПСЗ-III. Т. 12. СПб., 1895. № 8289; Обзор деятельности Министерства финансов... С. 54, 55.

⁴⁶ РГИА, ф. 583, оп. 4, 1891 г., ч. 2, л. 140–142, 143–144, 149–151 об., 180–181 об.; ПСЗ-III. Т. 11. № 8035; Т. 12. № 8240.

⁴⁷ Журналы Тарифного комитета. Вып. I. С. 500–503.

⁴⁸ Там же. С. 504–520.

ропе и низкий курс рубля создавали угрозу дальнейшего роста экспорта⁴⁹. Две недели спустя министр доложил о «полезном влиянии» тарифных скидок – некотором снижении цен на рожь и ржаную муку в ряде губерний⁵⁰. Однако это продолжалось очень недолго, и уже 17 июля Вышнеградский заявил Дурново о необходимости как можно скорее положить предел дальнейшему подорожанию хлеба, поскольку началось сокращение поступлений окладных сборов и питейного акциза, тогда как расходы на закупки продовольствия продолжают возрастать⁵¹. 19 июля во всеподданнейшей записке министр финансов констатировал, что повышение цен на заграничных рынках и падение курса рубля в золоте парализовали принятые им меры, так как иностранные коммерсанты с большой выгодой для себя подняли цены в кредитных билетах в портовых городах России. Министр рекомендовал ввести таможенный сбор с экспорта ржи в 25 коп. золотом с пуда и направлять полученный от него доход на пополнение продовольственного капитала. Правда, он признал, что и это может не принести ожидаемой пользы в случае отмены или снижения ввозной пошлины в странах-импортёрах⁵².

Александр III повелел обсудить эти соображения в Особом совещании во главе с председателем Департамента законов Государственного совета Д.М. Сольским⁵³. На его заседании большинство участников признали замысел Вышнеградского недостаточно эффективным и высказались за полное запрещение вывоза ржи, ржаной муки и отрубей из портов Балтийского, Чёрного и Азовского морей, а также через западную границу. Как отмечалось в журнале совещания, утверждённом императором 28 июля, «мера эта была бы предпочтительной и в том отношении, что с полной ясностью указала бы намерения правительства не преследовать какие-либо фискальные цели, а исключительно лишь обеспечить народное продовольствие». Власти явно стремились успокоить общественное мнение и продемонстрировать заботу о крестьянах. По настоянию министра финансов установление запрета отложили до 15 августа для выполнения обязательств по сделкам, заключённым хлеботорговцами с иностранными фирмами⁵⁴.

Однако эта почти трёхнедельная пауза привела к тяжёлым последствиям. Цены на рожь сразу же резко подскочили, и начался невиданный ажиотаж – с конца июля до середины августа её вывезли не меньше, чем за несколько предшествовавших месяцев. Опасаясь дальнейшего ограничения экспорта, коммерсанты стали заблаговременно скупать и отправлять в огромном количестве за границу и другие зерновые культуры. Лишь в сентябре августовский бум сменился застоём в хлебной торговле, сопровождавшимся некоторым понижением цен⁵⁵. Между тем 29 августа последовало запрещение экспорта пшеницы из Закаспийской обл. в Персию, а 1 сентября – ржи из портов Архангельской губ.⁵⁶ 19 сентября император одобрил ходатайство министра финансов о созыве

⁴⁹ РГИА, ф. 268, оп. 6, д. 3, л. 20.

⁵⁰ Там же, л. 22–23.

⁵¹ Там же, ф. 573, оп. 29, д. 1483, л. 38–40.

⁵² Там же, ф. 560, оп. 38, д. 47, л. 15 об.–18 об.

⁵³ Там же, л. 22–23 об.; ф. 573, оп. 29, д. 1483, л. 45.

⁵⁴ Там же, ф. 560, оп. 38, д. 47, л. 24–29; ПСЗ-III. Т. 11. № 7939.

⁵⁵ *Золотов В.А.* Хлебный экспорт России через порты Чёрного и Азовского морей в 60–90-е годы XIX в. М., 1966. С. 164–166.

⁵⁶ РГИА, ф. 560, оп. 38, д. 47, л. 33–34, 35–36 об.; ПСЗ-III. Т. 11. № 7954, 7963.

Особого совещания по вопросу о мерах по вывозу хлебов под председательством Абазы. 8 октября Вышнеградский и Дурново убедили его участников запретить экспорт остальных зерновых культур и картофеля. Абаза настоял тогда на исключении для пшеницы, но уже 27 октября совещание единогласно распространило запрет и на неё. Император утвердил эти решения 16 октября и 3 ноября⁵⁷. С учётом изменившихся обстоятельств Тарифный комитет 24 октября дополнил прежние льготы, понизив на 52% провозные платы на доставку продовольственных грузов из благополучных губерний в неурожайные⁵⁸.

Ещё в начале октября слухи о предстоящих запретах просочились в коммерческие круги и вновь вызвали вспышку экспортного ажиотажа. В итоге, несмотря на все ограничения, в 1891 г. за пределы России было отправлено 391,2 млн пудов зерна, т.е. немногим меньше, чем в предыдущем году. Правительство не сумело остановить рост цен на хлеб, который продолжался вплоть до весны 1892 г. Между тем место российских торговцев на европейском рынке заняли конкуренты, обеспечившие приток дешёвого зерна из других стран. Прекращение вывоза сельскохозяйственной продукции осуждали многие современники, в том числе и ближайшие сотрудники Вышнеградского. Товарищ министра финансов Ф.Г. Тернер утверждал, что эта «несчастливая мысль» несколько не облегчила положение неурожайных местностей и лишь «губительно» отразилась на внешней торговле России⁵⁹. По мнению Ермолова, поспешный шаг правительства привёл к потрясению хлебного рынка и оказал негативное влияние на перспективы экспортной политики⁶⁰. Витте считал данное решение следствием «нервности» Вышнеградского, крайне встревоженного угрозой финансового кризиса⁶¹.

Отказ от вывоза хлеба за границу усугубил также дезорганизацию железнодорожной сети, которая не справлялась с перевозкой огромных объёмов грузов не в обычные сроки сбора урожая и не по привычным маршрутам. В стране имелись достаточные продовольственные запасы для обеспечения страдавшего от голода населения, однако их было крайне сложно доставить в неурожайные местности. Рельсовые пути имели низкую пропускную способность, ощущалась нехватка локомотивов, подвижного состава, топлива, водоснабжения, ремонтных материалов, квалифицированных служащих. Летний ажиотаж привёл к перегрузке магистралей, причём начавшееся после 15 августа интенсивное движение поездов из портов и от сухопутных границ в обратном направлении ещё более осложнило работу транспорта. Тем временем земства закупали большое количество зерна в самых отдалённых регионах и отправляли его в свои губернии, усиливая хаос на железных дорогах, где постоянно возникали заторы из тысяч вагонов и образовывались залежи миллионов пудов грузов. Станции в тех пунктах, откуда хлеб обычно только отправлялся, не были оборудованы для его приёмки и хранения. Из-за нехватки мешков зерно нередко перевозили россыпью и иногда выгружали прямо на землю, но ещё чаще оставляли в вагонах, которые занимали станционные пути и препятствовали разъезду поездов.

⁵⁷ РГИА, ф. 560, оп. 21, д. 574, л. 1–19, 43–48 об.; оп. 38, д. 47, л. 37–38, 39–53, 61–65, 70–91; ПСЗ-III. Т. 11. № 8010, 8037.

⁵⁸ Журналы Тарифного комитета. Вып. I. С. 522–525.

⁵⁹ Воспоминания жизни Ф.Г. Тернера. В 2 ч. Ч. 2. СПб., 1911. С. 204.

⁶⁰ Ермолов А.С. Наши неурожай... С. 104, 105.

⁶¹ Мигулин П.П. Русский государственный кредит (1769–1899). Опыт историко-критического обзора. В 3 т. Т. 2. Харьков, 1900. С. 179.

Трудности возникали и при доставке хлеба от станций до голодавших селений, поскольку у крестьян почти не осталось лошадей. Всё это усугублялось разнообразием в управлении линиями и несогласованностью распоряжений финансового ведомства и МПС. Координации их действий препятствовала личная вражда между Вышнеградским и министром путей сообщения А.Я. Гюббенетом, которого Витте сменил только в феврале 1892 г. Требовались большие усилия, чтобы поддерживать на железнодорожном транспорте хоть какой-то порядок. Тем не менее с сентября 1891 г. по март 1892 г. в неурожайные губернии было перевезено 87,7 млн пудов хлеба, закупленного на средства казны, и 4,2 млн пудов, приобретённых благотворительными организациями⁶².

Однако министр финансов не считал принятые меры достаточными. В письме Филиппову 27 июля он утверждал, что продовольственная проблема разрешится только тогда, когда крестьяне будут иметь работу, которая позволит им жить за свой счёт, и это гораздо выгоднее для них, нежели получать казённые ссуды и потом расплачиваться за долги⁶³. В совместном представлении Вышнеградского и Дурново, одобренном императором 29 августа, рекомендовалось выделить средства на организацию работ по прокладке шоссейных и грунтовых дорог, «так как посредством сего с одной стороны избегнут был бы опасный прецедент доставления дарового продовольствия, а с другой — в местностях, наиболее пострадавших, созданы бы были новые ценности, которые впоследствии могли бы влиять на благосостояние населения и облегчить ему возврат выданных ныне ссуд»⁶⁴. Однако реализация этого замысла надолго затянулась, и только 28 ноября 1891 г. император приказал образовать Особое совещание об общественных работах в неурожайных губерниях. Первоначально оно заседало под председательством Абазы (в 1893 г. его сменил Сольский) при участии Вышнеградского, Дурново, Филиппова и сенатора Н.В. Шидловского. Им поручалось составить план предстоявших работ и контролировать его выполнение, а также распределение и расходование 10 млн руб., отпущенных из казны на эти цели⁶⁵.

Непосредственное заведование общественными работами сосредоточилось в специальном управлении МВД во главе с генерал-лейтенантом М.Н. Анненковым. С января 1892 г. во многих местностях начали ремонтировать грунтовые пути, прокладывать шоссейные дороги, мостить городские улицы и площади, строить зернохранилища, элеваторы, оросительные и ирригационные сооружения, бухты и дамбы на реках, набережные и подъездные пути к речным пристаням, мосты, церкви и школы, устраивать пруды и плотины, рыть колодцы, разбивать скверы и бульвары, заготавливать лес и т.п. Однако итоги этого «эксперимента» не оправдали ожиданий правительства. Работы нередко проводились вдалеке от неурожайных губерний, причём без заранее составленного плана и должной организации, и отнюдь не всегда приносили пользу местному населению. При этом заключались убыточные для казны сделки, одни объекты так и остались недостроенными, другие — отличались низким качеством

⁶² Измайлов А. Железные дороги в неурожай 1891 года. СПб., 1895; Вендрих А.А. Отчёт по управлению перевозками по железным дорогам в местности, пострадавшие от неурожая (декабрь 1891 г. — март 1892 г.). СПб., 1896.

⁶³ ГА РФ, ф. 1099, оп. 1, д. 1601, л. 88, 88 об.

⁶⁴ РГИА, ф. 565, оп. 14, д. 101, л. 148, 148 об.

⁶⁵ См. журналы заседаний совещания: РГИА, ф. 1225, оп. 1, д. 1, л. 1–23 об., 24–39 об., 40–65 об., 66–82 об., 85–99, 121–137 об., 138–145, 147–155.

и после сдачи в эксплуатацию быстро приходили в негодность. Администрация допустила значительный перерасход выделенных ей средств, особенно в ходе лесозаготовительной операции. В декабре 1893 г. работы пришлось прекратить и приступить к ревизии финансово-хозяйственной деятельности управления. 14 марта 1895 г. состоялось последнее заседание Особого совещания⁶⁶.

Занимаясь оказанием помощи голодавшим губерниям, Вышнеградский не забывал об интересах казны. 27 июля 1891 г. он писал Филиппову, что принятие экстренных мер «требует особой осмотрительности, так как в избытке усердия можно для будущего создать громадные финансовые затруднения»⁶⁷. В начале июля министр предупредил Александра III об угрозе дефицита бюджета при возрастании непредвиденных расходов и напомнил о необходимости соотносить их с ресурсами казны. Император поддержал его, наложив на докладе одобрительную резолюцию⁶⁸. В письме государственному контролёру Вышнеградский прогнозировал дефицит и в 1892 г., сомневаясь в возможности покрыть его без заключения займа, однако признал сложность подобной операции из-за неблагоприятного состояния европейского денежного рынка. По его словам, «единственным средством» оставалось «строгое рассмотрение смет расходных, притом по существу, не стесняясь существующими штатами и положениями, и урезыванием всех строительных расходов, которые ныне различными ведомствами проектируются в больших размерах»⁶⁹.

В середине августа Вышнеградский сообщил императору о предстоящем дефиците при сведении росписи общего бюджета на 1892 г. в 99,8 млн руб. из-за расходов на поддержку неурожайных губерний, снижения налоговых поступлений, прибылей Государственного банка и железных дорог. Министр предвидел, что это непосильное для казны бремя произведёт «удручающее впечатление» в стране и уронит российский кредит за границей. По его убеждению, массовое разорение населения исключало введение каких-либо новых податей, поскольку их будет невозможно собрать. Поэтому он предложил сократить уже составленные сметы на 1892 г., уменьшив дефицит до 59,7 млн руб., а затем согласовать внесённые изменения с соответствующими министерствами. Вышнеградский просил дозволения «оказывать самое решительное противодействие значительным увеличениям расходов по всем ведомствам, не останавливаясь перед разногласиями с их главными начальниками», и настоятельно рекомендовал в очередной раз объявить с высоты престола о недопустимости сверхсметных ассигнований, которые постоянно запрашивали руководители центральных учреждений. Александр III признал эти меры «совершенно необходимыми»⁷⁰.

Но, как сетовал в конце сентября во всеподданнейшем докладе Иван Алексеевич, в правящих кругах призывы к бережливости «не встретили очень сочувственного приёма». Император вновь отметил в резолюции, что «настаивать на сокращении расходов необходимо»⁷¹. Наконец, повинувшись высочайшей воле, министры представили свои соображения об уменьшении запланированных за-

⁶⁶ Ермолов А. С. Наши неурожай... С. 119–129; Максимов В. Очерки по истории общественных работ в России. СПб., 1905. С. 116–159.

⁶⁷ ГА РФ, ф. 1099, оп. 1, д. 1601, л. 87 об.

⁶⁸ РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 168, л. 28–31.

⁶⁹ ГА РФ, ф. 1099, оп. 1, д. 1601, л. 89–90.

⁷⁰ РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 168, л. 32–46 об.

⁷¹ Там же, л. 47–50.

трат. Однако Вышнеградский требовал ещё больших уступок для снижения дефицита по обыкновенному бюджету до 20 млн руб. Такую сумму он рассчитывал, «хотя и с величайшим трудом», покрыть остававшейся у Казначейства свободной наличностью⁷². В итоге после обсуждения в Государственном совете дефицит по обыкновенному бюджету был определён в 25,1 млн руб., а по общему бюджету, из-за ожидавшихся чрезвычайных расходов, — в 74,3 млн руб.⁷³

Тем временем министр финансов, несмотря на свои сомнения, пошёл на заключение внешнего трёхпроцентного золотого займа, объявленного указом 17 сентября⁷⁴. Эта мера рассматривалась им как превентивная, поскольку в тот момент Казначейство ещё располагало значительной суммой свободной наличности. Переговоры о займе проходили в чрезвычайно неблагоприятных условиях — биржевые сферы и пресса на Западе воспользовались неурожаем 1891 г. для распространения слухов о полном экономическом крахе империи и тем самым способствовали падению курса российских ценных бумаг за границей. Размещением выпущенных облигаций занялся синдикат французских банкиров, однако парижские Ротшильды, раздражённые притеснением евреев в России, сделали всё возможное, чтобы помешать этой операции. В итоге заём оказался крайне неудачным: при номинальной сумме 112,6 млн руб. выручка составила лишь 85,7 млн руб., т.е. 76,19%, причём его реализация растянулась до 1894 г. По мнению П.П. Мигулина, столь непродуманный шаг стал следствием переутомления Ивана Алексеевича от непосильной работы в голодном году⁷⁵.

Со своей стороны, Вышнеградский всячески пытался успокоить общественность. По его распоряжению 10 ноября 1891 г. «Вестник финансов, промышленности и торговли» опубликовал сообщение министерства, опровергавшее «преувеличенные толки» о неблагополучном положении в стране. В передовице перечислялись правительственные распоряжения и утверждалось, что запасов хлеба вполне достаточно для обеспечения населения до урожая следующего года, а состояние финансов, несмотря на некоторое сокращение поступлений в казну, не вызывает серьёзных опасений⁷⁶. Однако общий бюджет за 1891 г. был сведён с огромным дефицитом в 181 млн руб., а свободная наличность Казначейства уменьшилась за год с 219,6 до 37,2 млн руб.⁷⁷ Тем не менее министр финансов не драматизировал ситуацию и с оптимизмом смотрел в будущее. «В неурожайной части России, — писал он во всеподданнейшем докладе 28 декабря, — благосостояние сельского населения несомненно пошатнулось, и бедствие, испытываемое в отдельных местностях, достигло крайнего напряжения, но в общем и целом этого сказать нельзя». Ссылаясь на доказанную опытом «упругость» системы государственных доходов, Вышнеградский полагал, что «сокращение производительности существующего обложения, обнаруживающееся в последние месяцы 1891 года и предвидимое на 1892 год, есть явление временное, долженствующее исчезнуть само собой при наступлении более благоприятных условий». Поэтому он в очередной раз возражал против

⁷² Там же, л. 51–52, 53–56.

⁷³ Обзор деятельности Министерства финансов... Приложения. С. 3–5.

⁷⁴ ПСЗ-III. Т. 11. № 7980.

⁷⁵ Мигулин П.П. Указ. соч. Т. 2. С. 182–190.

⁷⁶ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1891. № 45. С. 301–302.

⁷⁷ Обзор деятельности Министерства финансов... Приложения. С. 5; Мигулин П.П. Указ. соч. Т. 2. С. 550.

введения новых налогов, которое «неминуемо должно замедлить естественное исправление последствий испытанной в текущем году Россией экономической невзгоды»⁷⁸.

Своей активностью в борьбе с последствиями неурожая Вышнеградский заметно выделялся среди руководителей других ведомств. «Никогда ещё энергия министра финансов не выступала в таком блеске, как в это злополучное время», — вспоминал Мигулин⁷⁹. Сторонники Ивана Алексеевича из консервативных кругов всячески превозносили его заслуги. Киреев писал редактору «Московских ведомостей» С.А. Петровскому, что только «Вышнеградский видит и понимает беду». При этом МВД, по словам генерала, «наградив нас голодом», отрицало его существование в течение всего лета 1891 г., хотя всё стало ясно уже в июне, а сам Дурново, не желая «опечалить» императора, скрыл от него истинное положение дел⁸⁰. В конце декабря Киреев занёс в дневник: «Всё яснее и яснее становится, что главный виновник — Дурново. Ясно, что, ежели бы меры, принятые теперь, были приняты в мае, мы могли бы закупить и довести до голодающих хлеб, а теперь Бог весть, что будет!»⁸¹. По свидетельству Богданович, в её окружении говорили, будто «с мая месяца уже было известно Дурново о голоде, что он должен был требовать от Вышнеградского запрета вывозить рожь, что Дурново больше виноват, чем министр финансов», однако «министр вн[утренних] д[ел] мало работает по этому вопросу, а дело делают Вышнеградский и Витте»⁸².

Но в обществе преобладали иные суждения. «Авторитет счастливого министра пал сразу», — вспоминал Головин⁸³. Московский городской голова Н.А. Алексеев, посетив в марте 1892 г. несколько голодавших губерний, рассказывал Кирееву, «что вообще на месте хлеба достаточно, но что крестьяне так обеднели вследствие того, что с них тянет подати Вышнеградский, что им не на что купить хлеб, которого при нормальном положении финансов (мужиков) хватило бы и в нынешнем году»⁸⁴. В «прогрессивном лагере» тот факт, что именно правительство виновно в голоде, считался «аксиомой»⁸⁵, а Вышнеградский стал главным объектом критики. Как отмечала Богданович, «все громко ругают его и говорят, что он ведёт Россию к банкротству»⁸⁶. В печати, особенно в радикальных, народнических и либеральных изданиях, голод рассматривался как «коренной кризис», как «бедствие общегосударственное и общенародное», которое будет отражаться на состоянии страны долгие годы. Публицисты упрекали Вышнеградского в забвении интересов земледелия, разорении крестьян налогами и форсировании «голодного» экспорта, утверждали, что правительство «проглядело» неурожай и должным образом не оценило его масштабы, ограничилось «полумерами» и не оказало голодавшим необходимой помощи, запоздало с запретом вывоза зерна и организацией общественных работ, а мест-

⁷⁸ Всеподданнейший доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1892 г. СПб., 1891. С. 15, 17, 18.

⁷⁹ Мигулин П.П. Указ. соч. Т. 3. Вып. 1. Харьков, 1901. С. 3.

⁸⁰ ОР РГБ, ф. 224, папка 1, д. 64, л. 51 об., 71, 79 об., 121.

⁸¹ Там же, ф. 126, папка 11, л. 237 об.

⁸² РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 252, л. 9 об., 66 об.

⁸³ Головин К.Ф. Мои воспоминания. В 2 т. Т. 2. СПб., 1910. С. 239.

⁸⁴ ОР РГБ, ф. 126, папка 11, л. 244, 244 об.

⁸⁵ Оболенский В.А. Воспоминания о голодном 1891 годе // Современные записки (Париж). 1921. № 7. С. 264.

⁸⁶ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 252, л. 35 об.

ные власти продемонстрировали полную неспособность справиться с возникшими проблемами. В прессе требовали ещё более снизить провозные платы на железных дорогах, ликвидировать залежи хлебных грузов на станциях, увеличить размеры ссуд для пострадавших крестьян, упорядочить продовольственное дело, ввести подоходный налог, организовать в деревне мелкий кредит и т.п.⁸⁷ Г.В. Плеханов высмеял сделанные с «истинно хлестаковской развязностью» заявления Вышнеградского о том, что «хлеба у нас более, чем нужно», и резко отозвался о практике «выбивания недоимок из голодающего населения», которое «может сравниться только со зверствами времён Бирона»⁸⁸.

Нападки на министра финансов всё чаще звучали и в правящих кругах, где также размышляли о том, кто и в какой степени повинен в разразившемся голоде. Как отмечал начальник Главного управления по делам печати МВД Е.М. Феоктистов, у Ивана Алексеевича «много озлобленных врагов», которые «распускают мерзкие сплетни о нём, наушничают государю»⁸⁹. Министру припоминали и его прошлое «дельца-гешефтмахера», намекая на то, что он по-прежнему нечист на руку и не гнушается залезать в государственный карман. Его осуждали даже собственные подчинённые. Чиновник Департамента торговли и мануфактур Н.И. Самойлович заявлял в салоне Богданович, что политика Вышнеградского «ниже всякой критики», так как он всегда действовал без какого-либо плана, по принципу «после нас хоть потоп»⁹⁰. Ермолов осенью 1891 г. выпустил книгу, в которой писал о невозможности «вытягивая последние жизненные соки из страны», строить её благосостояние на «громадном» экспорте хлеба, отнятого у собственного населения и отданного за бесценок заграничным потребителям⁹¹. Спустя несколько месяцев в новой работе он осудил систему взимания налогов с крестьян, заставляющую их продавать хлеб по низким ценам, и применение властями «экзекуционных мер»⁹².

Дурново всячески пытался очернить министра финансов в глазах окружающих, уверяя, что «государь смотрит на Вышнеградского, как на необходимое зло», а императрица «бранит Вышнеградского, не стесняясь». 21 декабря 1891 г. Феоктистов отметил в дневнике: «В настоящее тяжёлое время особенно усилилась интрига против Ивана Алексеевича. Едва ли я ошибусь, что содействовал этому отчасти и И.Н. Дурново, надо же ему взвалить на кого-нибудь ответственность за некоторые из своих неудачных распоряжений». Однажды Феоктистову довелось присутствовать при бурном объяснении между двумя сановниками. Дурново упрекнул Министерство финансов, «зачем, лишь только

⁸⁷ Материалы по продовольственному вопросу. Отд. IV. Саратов, 1892. С. 15–18, 41–67, 76–83, 123–140, 155, 193, 195; *Неципурок Д.М.* Освещение голода в России 1891–1892 гг. на страницах газеты «Free Russia» // Клио. 2005. № 3. С. 70–73; Вестник Европы. 1891. № 12. С. 867–880; 1892. № 2. С. 793–809; № 3. С. 348–352, 382, 383; № 5. С. 353–360, 371; № 7. С. 401–418; Русская мысль. 1891. № 8. С. 199; № 11. С. 153–157; № 12. С. 298; 1892. № 2. С. 175, 181, 192; № 4. С. 1–17; № 6. С. 152; № 8. С. 199; Русский вестник. 1891. № 9. С. 289; 1892. № 5. С. 377–379; № 6. С. 331; № 9. С. 285; Русское богатство. 1891. № 10. С. 180, 181; № 11. С. 222–229; 1892. № 3. С. 148–152; № 12. С. 55–67; Северный вестник. 1891. № 12. Отд. 2. С. 80–82; 1892. № 1. Отд. 2. С. 120, 121; № 3. Отд. 2. С. 101; № 6. Отд. 2. С. 119.

⁸⁸ *Плеханов Г.В.* Всероссийское разорение. Женева, 1892. С. 19, 21.

⁸⁹ РО ИРЛИ, д. 9122, л. 44 об.

⁹⁰ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 251, л. 72 об.

⁹¹ *Ермолов А.С.* Современные сельскохозяйственные вопросы: этюды из области сельского хозяйства и статистики. Вып. 1. М., 1891. С. 144.

⁹² *Ермолов А.С.* Неурожай и народное бедствие. СПб., 1892. С. 154–179.

получены были сведения о голоде, не озаботилось оно закупкой хлеба в огромных размерах», а Вышнеградский в ответ резонно напомнил, что закупка и распределение хлеба входят в обязанности МВД, а «он должен только выдавать деньги и относительно этого не скупился»⁹³. Киреев также писал в своём дневнике: «Против Вышнеградского большая интрига — на него сваливает Дурново свою беду, свои глупости, выставляя его виновником»⁹⁴.

Враждебно относился к Ивану Алексеевичу и влиятельный министр императорского двора гр. И.И. Воронцов-Дашков, недовольный тем, что бюджет его ведомства неоднократно урезался⁹⁵. «Партия графа Воронцова, — говорил Вышнеградский Феоктистову, — видит во мне самого опасного своего противника и всячески старается повредить мне в мнении государя»⁹⁶. Не менее сильную антипатию к Ивану Алексеевичу испытывало и руководство военного ведомства, тщетно пытавшееся получить от казны крупные суммы на перевооружение армии и строительство стратегических железных дорог. Начальник Главного штаба Н.Н. Обручев публично «очень горячо и с необычной откровенностью порицал министра финансов, называя его вором», который «совсем отдался наживе и истощает все производительные силы России»⁹⁷. Вернувшись в конце марта 1892 г. с Кавказа в Петербург Анненков признавался, что был «поражён нищетой всех виденных им частей России, поражён последствием поражающей богатство в корне политики Вышнеградского»⁹⁸.

Подобные высказывания часто звучали и в салоне Богдановичей. Член Государственного совета П.Н. Николаев, в 1881–1886 гг. занимавший пост товарища министра финансов, именовал Вышнеградского и его окружение «шайкой воров, которая сгубит Россию». Сама генеральша сетовала на то, что «о Вышнеградском в Париже переменили мнение, нет у него прежней популярности». Более того, «иностранные газеты отрицают теперь совсем финансовый ум у Вышнеградского, говорят, что теперь ему нельзя оставаться». 6 марта 1892 г. Богданович в дневнике вынесла свой вердикт: «Вышнеградский умён, но мошенник, жулик, взяточник, серьёзные люди говорят, что он оставит русские финансы в ужасном положении, что всё, что он делает, это фокусы, на показ, без серьёзной подкладки, сшито всё живыми нитками, но умеет показать временно их благими для России, что эта показная сторона и успокоила и царя, и всех тех, кои ничего не понимают в финансовом деле». В Петербурге даже заговорили о скорой отставке Ивана Алексеевича⁹⁹.

17 ноября 1891 г. для руководства деятельностью благотворительных обществ и отдельных лиц был учреждён Особый комитет для помощи нуждающемуся населению в местностях, постигнутых неурожаем, под председательством вел. кн. Николая Александровича¹⁰⁰. В него включили нескольких видных сановников, в том числе Дурново, но министра финансов среди них не оказалось. В салоне Богдановичей это приписывали влиянию воспитателя наследника престола генерала Г.Г. Даниловича, который якобы уговорил своего питом-

⁹³ РО ИРЛИ, д. 9122, л. 27, 44 об.

⁹⁴ ОР РГБ, ф. 126, папка 11, л. 237, 244.

⁹⁵ Там же, л. 237.

⁹⁶ РО ИРЛИ, д. 9122, л. 44.

⁹⁷ Ламздорф В.Н. Дневник: 1891–1892. С. 278.

⁹⁸ Половцов А.А. Указ. соч. С. 441.

⁹⁹ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 252, л. 35, 60 об., 152, 168.

¹⁰⁰ Там же, ф. 1204, оп. 1, д. 1, л. 1–3.

ца не приглашать Вышнеградского в состав комитета¹⁰¹. Это было тревожным сигналом для Ивана Алексеевича, однако спустя несколько дней вернувшийся из Копенгагена Александр III встретил его весьма любезно¹⁰². В дальнейшем Вышнеградский оказывал цесаревичу всяческое содействие. С 20 декабря грузы, отправленные в неурожайные местности по свидетельствам комитета, разрешалось перевозить бесплатно¹⁰³. В феврале 1892 г. министр финансов по просьбе вел. кн. Николая Александровича открыл в Государственном банке кредит на 3 млн руб. в счёт будущих поступлений от благотворительных мероприятий¹⁰⁴.

Тем временем Вышнеградскому приходилось искать новые способы увеличения денежных ресурсов. 2 февраля 1892 г. Комитет финансов рассмотрел его представление, в котором указывалось на срочную потребность в заключении очередного займа, но вместе с тем признавалась невозможность в сложившейся тогда ситуации получить за границей сколько-нибудь значительную сумму. Министр допустил и возможность реализации части накопленного золотого запаса, однако заметил, что его продажа в короткий срок уронит цены на этот металл и не будет выгодна для казны. По его мнению, следовало вообще избегать сокращения металлического денежного фонда «в виду возможного его значения в общих финансовых делах». Поэтому Вышнеградский ходатайствовал о разрешении заимствовать необходимые суммы из средств Государственного банка под залог принадлежавшего Казначейству золота (как это не раз практиковалось в годы войны), а также предоставить банку право в случае «ослабления» его кассы выпускать кредитные билеты в соответствии с указом 28 июля 1891 г. Комитет финансов согласился с этим предложением, и в тот же день Александр III утвердил принятое решение¹⁰⁵.

Через две недели Вышнеградский представил императору записку, в которой предсказывал дальнейшее увеличение дефицита при составлении бюджетной росписи на 1893 г. По-прежнему считая целесообразным сокращение ведомственных затрат, он указывал на необходимость поиска новых источников доходов, не обременяя разорённое и голодавшее крестьянство. Министр финансов рекомендовал ввести прогрессивный подоходный сбор в размере от 0,5 до 6% с прибылей торговых и промышленных предприятий, доходов от сельской и городской недвижимости, денежных капиталов, жалованья лиц, состоявших на государственной, общественной и частной службе, заработков представителей свободных профессий (врачей, адвокатов, литераторов и др.). Тем самым он надеялся обеспечить «привлечение к участию в государственных расходах тех разрядов лиц, которые или вовсе не облагаются донныне прямыми налогами, или же, располагая сравнительно бóльшим достатком, могут без ущерба для их имущественного положения и хозяйственной силы вынести несколько высшее обложение, нежели теперь». По произведённым расчётам такой сбор мог бы ежегодно приносить казне 15,1 млн руб.¹⁰⁶

По распоряжению Александра III Вышнеградский направил проект на отзыв в министерства, главные управления и губернские казённые палаты. Однако самому Ивану Алексеевичу не довелось участвовать в обсуждении своего

¹⁰¹ Там же, ф. 1620, оп. 1, д. 252, л. 61.

¹⁰² Там же, л. 53.

¹⁰³ Там же, ф. 268, оп. 6, д. 3, л. 36–36 об.; ф. 1204, оп. 1, д. 35, л. 1–18.

¹⁰⁴ Там же, ф. 1204, оп. 1, д. 35, л. 19–19 об.

¹⁰⁵ Там же, ф. 563, оп. 1, д. 19, л. 1–6 об., 8–10 об.

¹⁰⁶ Там же, ф. 560, оп. 22, д. 168, л. 57–81.

замысла — в конце марта 1892 г. он перенёс инсульт и был вынужден отойти от дел, временно передав управление министерством Тернеру. Высшая бюрократия отнеслась к инициативе Вышнеградского критически. Главноуправляющий Кодификационным отделом Государственного совета Э.В. Фриш считал, что при низких доходах населения подобный налог не даст казне значительных средств. Министр народного просвещения И.Д. Делянов признал его «в высшей степени нежелательным», так как «трудность определения объекта обложения породит бесчисленное множество обманов, подлогов и изворотов, протесты и споры плательщиков». По мнению министра юстиции Н.А. Манасеина, сам принцип прогрессивности обложения не соответствовал «основному положению нашего законодательства» и «нашим экономическим условиям». Как полагал военный министр П.С. Ванновский, подоходный налог «может оказаться на практике самым несправедливым, тягостным и даже ненавистным для населения» и в то же время «весьма ничтожным» по размеру полученной выгоды. Морской министр Н.М. Чихачёв признавал такой сбор уместным только в чрезвычайных обстоятельствах, поскольку он «вызовет множество затруднений на практике и окажется для некоторых слоёв населения обременительным и досадливым до крайности». Командующий Императорской главной квартирой О.Б. Рихтер опасался, что предложенная мера «затронет в корне все источники благосостояния русского общества» и «несомненно произведёт на общество неблагоприятное впечатление»¹⁰⁷. Государственный секретарь Половцов, намекая на болезнь Вышнеградского, отметил в дневнике, что в его записке «чувствуется начало паралича мозга»¹⁰⁸. Тем не менее Тернер попытался убедить императора в целесообразности подоходного налогообложения и получил разрешение внести осенью соответствующее представление в Государственный совет¹⁰⁹. Но 30 августа финансовое ведомство возглавил Витте, который категорически возражал против намеченной реформы и оставил проект без движения.

Отставка Вышнеградского состоялась в тяжёлой атмосфере. Как вспоминал видный банкир и промышленник С.С. Хрулёв, «всё общество (и в особенности вся администрация) утверждало, что его деятельность, в сущности, сводилась к “высасыванию” денег из населения»¹¹⁰. Ивану Алексеевичу ставили в вину ослабление «платёжных сил» народа, мнимые профициты бюджета, увеличение чрезвычайных расходов, падение курса рубля, рост государственного долга, убыточные конверсии внешних займов, неоправданное усиление протекционизма во внешней торговле и т.п.¹¹¹ Один из его ярких недоброжелателей публицист И.Ф. Цион издал обличительную брошюру, заявив в ней, что голод «сорвал мишурный блеск с нашего финансового управления», наглядно продемонстрировал, «как фиктивны были картины всеобщего благополучия

¹⁰⁷ Историческая справка по вопросу о введении подоходного налога в России. СПб., [б.г.]. С. 28–42.

¹⁰⁸ Половцов А.А. Указ. соч. С. 442.

¹⁰⁹ «Соображение об экономическом и финансовом положении государства». Записка управляющего Министерством финансов Ф.Г. Тернера императору Александру III. 1892 г. / Публ. В.Л. Степанова // Исторический архив. 2017. № 1. С. 169.

¹¹⁰ Хрулёв С.С. Финансы России в связи с экономическим положением её населения. СПб., 1908. С. 13.

¹¹¹ Вестник Европы. 1892. № 10. С. 827, 828; Русская мысль. 1892. № 10. С. 232–240; Цион И.Ф. Итоги финансового управления г. Вышнеградского по официальным документам. Lausanne, 1892; Мигулин П.П. Указ. соч. Т. 2. С. 179, 180.

и цветущего состояния страны, которые министр финансов разрисовывал в своих отчётах на высочайшее имя»¹¹². Только «Московские ведомости» напоминали о позитивных результатах политики Вышнеградского, достигнутых к концу 1880-х гг. Впрочем, в газете признавали, что в 1892 г. экономическое положение России оказалось «затруднительнее и сложнее бывшего к началу 1887 года»¹¹³.

Запреты на экспорт хлеба были отменены ещё 4 июня и 7 августа 1892 г.¹¹⁴ Однако посредственный урожай (198 млн четвертей) не возместил понесённых потерь и не привёл к существенному улучшению состояния деревни. По различным подсчётам, от голода и сопутствующих ему болезней (тифа, цинги, холеры) погибли от 375 тыс. до 656 тыс. человек¹¹⁵. Это почти не отразилось на демографической ситуации в стране, но произвело сильное впечатление на современников. Для народного хозяйства «всероссийское разорение» имело тяжёлые последствия. Общий сельскохозяйственный индекс, который в 1890 г. составлял 1,236, в 1891 г. снизился до 1,089, а в 1892 г. — до 0,813. Падение покупательной способности населения и сокращение спроса на фабрично-заводскую продукцию усугубили депрессию в промышленности, начавшуюся ещё в 1890 г. Она затронула главным образом те отрасли, которые в большей степени, чем другие, обслуживали нужды аграрного сектора. Застой выразился в уменьшении прироста акционерных капиталов, оборотов Нижегородской ярмарки, потребления железа и хлопка, в увеличении числа банкротств и безработицы, в снижении цен на каменный уголь, металлы, нефтепродукты, миткаль, лён, пеньку, пряжу, шерстяные изделия, сахар. Общий торгово-промышленный индекс в 1890–1891 гг. упал с 1,614 до 1,080, и в 1892 г. несколько поднялся до 1,443¹¹⁶.

Значительный ущерб понесла внешняя торговля. В 1892 г. за границу было отправлено только 196,4 млн пудов зерна. Превышение вывоза над ввозом составило лишь 76 млн руб., тогда как в 1891 г. достигало 335,8 млн руб. Прежний объём экспортных перевозок удалось восстановить только к концу 1893 г. Расчётный баланс, в течение пяти лет имевший активное сальдо, в 1891 г. был сведён с дефицитом в 151 млн руб. Это сопровождалось ростом недоимок по крестьянским платежам: с 56,5 млн руб. в 1890 г. до 63,9 млн руб. в 1891 г. и 139,8 млн руб. в 1892 г. Сверхсметные ассигнования за два голодных года составили 335 млн руб. Средний курс рубля в золоте, повысившийся в 1890 г. до 72,6 коп., в 1891 г. снизился до 66,8 коп., а в 1892 г. — до 63,1 коп. Золотой запас в 1891 г. лишь незначительно увеличился с 483,8 млн до 495,2 млн руб. Сократились объём кредитования промышленности и торговли Государственным банком, число и размер ссуд, выданных Дворянским банком, а также количество земли, приобретённой через Крестьянский банк, возросли долги

¹¹² Цион И. Ф. Указ. соч. С. 25, 31.

¹¹³ Московские ведомости. 1892. № 244, 245, 253.

¹¹⁴ РГИА, ф. 560, оп. 38, д. 47, л. 164–176 об., 186–189 об.; ПСЗ-III. Т. 12. № 8653, 8886.

¹¹⁵ Анненский Н. Ф. Ещё несколько слов о продовольственной нужде // Русское богатство. 1898. № 3. Вторая пагинация. С. 180; Труды Императорского Вольного экономического общества. 1898. № 3. Вторая пагинация. С. 6; Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С. 83; Robbins R. G. Op. cit. P. 171.

¹¹⁶ Первушин С. А. Хозяйственная конъюнктура: введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. М., 1925. С. 159, 164; Яковлев А. Ф. Экономические кризисы в России. М., 1955. С. 164–185; Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 502–506.

заёмщиков. Неурожаи отрицательно влияли на проведение конверсий и выкуп облигаций внешних и внутренних займов¹¹⁷.

Тем не менее страна довольно быстро оправилась от потрясений. При обширной территории империи и разнообразии её условий хозяйственные трудности в тех или иных местностях могли уравниваться благоприятными результатами в других регионах. Слабая связь между отдельными секторами российской экономики сдерживала распространение, углубление и продолжительность кризисов. Уже летом 1892 г. начались перемены к лучшему: оживилась торговля, возросло поступление доходов в казну, усилился приток вкладов в банки и сберегательные кассы. Учётная ставка Государственного банка, в стабильные периоды державшаяся на 4,5%, к октябрю 1891 г. поднялась до 6%, но уже с января 1892 г. начала опускаться и к маю вернулась на прежний уровень. Вопреки прогнозам Вышнеградского, общий бюджет 1892 г. удалось свести с профицитом в 54,8 млн руб. Свободная наличность Казначейства к 1 января 1893 г. увеличилась почти в три раза, составив 92,4 млн руб.¹¹⁸ 28 декабря 1892 г. Витте, признавая сохранявшееся «затруднительное» положение в неурожайных губерниях и огромные потери казны, докладывал императору, что «Россия выходит из постигшего её, хотя и тяжёлого, но временного бедствия, при полном сохранении своих экономических сил и без особого ущерба для своей жизнедеятельности»¹¹⁹. Несмотря на долговременные потери от двухлетнего недорода (выразившиеся прежде всего в сокращении посевных площадей и поголовья скота), богатые урожаи 1893–1896 гг. и мощный промышленный подъём, продолжавшийся до конца XIX в., позволили преодолеть последствия «всероссийского разорения».

Голод 1891–1892 гг. был вызван целым комплексом причин. Природно-климатические аномалии в условиях мирового аграрного кризиса, отсталой системы земледелия, истощения почвы, низкой производительности труда, тормозящего влияния общины в сочетании с неудовлетворительным состоянием продовольственного дела при массовом вывозе хлеба за границу и жёсткой системе взимания налогов делали крестьян беззащитными перед угрозой неурожая. По словам Мигулина, Вышнеградский, сознавая собственную вину, всеми силами «пытался искупить ошибки своего управления, благодаря которым сельское население не имело возможности накопить сбережения в неурожайные годы»¹²⁰. Он выделил значительные средства на закупку хлеба для голодавшего населения, снизил железнодорожные тарифы на перевозку грузов в пострадавшие губернии, предоставил ряд льгот заёмщикам казённых кредитных учреждений, согласился на запрет экспорта зерна, выступил с инициативой устройства общественных работ и принял участие в их организации,

¹¹⁷ Отчёт государственного контроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1896 год. Ч. 2. СПб., 1897. С. 908–925; *Бехтеев С. С.* Хозяйственные итоги истекшего 45-летия и меры к хозяйственному подъёму. СПб., 1902. С. 27; *Покровский В. И.* Указ. соч. Таблицы. С. 105, 117, 141; Обзор деятельности Министерства финансов... С. 116. Приложения. С. 17, 23, 25; Материалы по денежной реформе... С. 28; *Гиндин И. Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 годы). М., 1960. С. 92; *Грегори П.* Указ. соч. С. 69.

¹¹⁸ *Мигулин П. П.* Указ. соч. Т. 2. С. 550; Обзор деятельности Министерства финансов... Приложения. С. 5; *Хромов П. А.* Экономическое развитие России в XIX–XX веках. 1800–1917. М., 1950. С. 543.

¹¹⁹ Всеподданнейший доклад управляющего Министерством финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1893 год. СПб., 1892. С. 17.

¹²⁰ *Мигулин П. П.* Указ. соч. Т. 3. Вып. 1. С. 3.

пытался ослабить податной гнёт в деревне и категорически возражал против введения новых налогов.

Вместе с тем Вышнеградский всячески стремился предотвратить расстройство государственных финансов и с этой целью инициировал дополнительные выпуски кредитных билетов для наполнения каналов денежного обращения, заключил внешний «золотой» заём, призывал императора ограничить расходы казны, чтобы сократить дефицит бюджета, остановить падение курса рубля и российских ценных бумаг. Тем не менее действия Министерства финансов, как и других центральных учреждений, страдали многими недостатками и сопровождались явными провалами. Нельзя не отметить замедленную реакцию властей на разразившееся природное бедствие, ведомственные разногласия, неудачно проведённую государством и земствами закупочную компанию, неоправданное прекращение вывоза хлеба за границу, неудовлетворительные результаты явно запоздавших общественных работ, неспособность в течение долгого времени навести порядок на железных дорогах и т.п. И всё же следует признать, что в борьбе с голодом правительственные мероприятия сыграли существенную роль.